

Deutschland in meinem Herzen

*Я доставал из широких штанин,
Гордясь за Советскую Армию,
Смотрите, завидуйте – я гражданин
И еду служить в Германию*

Polska

Поляки и Польша. И как там у них?

“Это - вообще не граница!”

Но белые домики ровно и в ряд?..

Могу не совсем согласиться.

Черные избы, заборов завал,

Вокруг белорусских полей.

Что-то я в Польше таких не видал,

Или народ там дурней?

Для нас, москвичей, Польша - поет!

Там Барбара Брыльска в зените.

И этот.. Ну, как его? Ну – Карел Готт!

Ах, он не поляк... извините!

Но эти огурчики! Эх, с водкой тогда!..

(Да, нет, не идет уже водка.)

Косметика польская, тоже была.

Ну, бусы там разные – модно!

Проехали Польшу за первый тот день.

Ни видов, людей, ни строений.

Сплошные поля бегут за окном,

И нет там больших поселений.

И даже Варшаву, столицу саму,
Проехали как-то дворами.
И только поляк с большою сумой
Прилежно прополз между нами.

Синяя форма, компостер в руке,
Полиция иль пограничник?
Но главное – это волшебный багаж
Что продает за наличные.

Восточные марки, рубли, "дойче марк",
Он все принимает спокойно.
Веселые карты, очки и трусы
Восточного рынка достойны.

С базарной торговлей успели они,
Тут Польша всегда впереди.
Купить и продать – стимул для всех.
Учиться нам надо у них!

С услугой иной обращались к нему
Поставить печать разноцветную.
Чтоб паспорт свой всем потом показать
С польскою "птицей" приметною.

Не знали мы Польшу, не знаем сейчас.
Свобода, конфликты и НАТО.
Проспали "друзей", убежали вперед...
А, может, таких и не надо?

Merseburg

*“Спасибо, ребята, что мне помогли,
Сюда мне, вот, мой поворот.”*

Цветущих каштанов аллея в тени.

Да, нет не казармы – курорт!

Дежурный по части, большой капитан,

Помощник – болтливый “летёха”,

По имени, нет, я не вспомню уже,

А младшего звали - “Тимоха”.

Подушка и койка, что нужно еще,

С дороги тяжелой, волнений?

Сомнения прочь, отбой до утра,

А утро всегда мудренее.

Побритый и сытый, в парадке с ранья,

Я к штабу уверенно шел.

Страшилки про “Папу”? Да, что мне дурак,

Не то еще в жизни прошел!

Полковник тот в кресле сидел, как король,

Как барин в трехдневном похмелье.

В руках он бумажку держал про меня

И хмыкал в тяжелом сомнении.

“Да, вольно! А, ты, капитан,

С Востока приехал, как вижу...

Тогда ты служи, как Онацкий учил

Больших тут проблем не предвижу...”

И красной фуражкой пугая народ,
Испуг и вопросы на лицах.
Вздыхнул с сожалением, пошел пришивать
Связистов эмблемы, петлицы.

Ну, вот, все нормально, теперь я, как все,
Околыша черного бархат.
ОСНАЗ, ведь, "секретный", не виден нигде.
Связистов, вон, сколько на карте!

Вопрос размещенья в немецких домах
Был прост и годами отлажен.
Нам всем потесниться – так то не беда!
(Там печка? И уголь? И сажа???)

Я сверил свой адрес и в дверь постучал
В сумраке лестничной клетки.
Она молода, интересна, быстра,
Но вряд ли желает соседей.

Я был не в обиде, не звали меня,
Вселяться в семейства обитель.
Но что же поделаешь – это приказ.
Ваш "Папа" – верховный правитель...

Но все позабыто, сию, как родной,
На кухне семейной, с закуской,
Хозяйка, Ирина, оттаяла вся,
Потчуя выпечкой вкусной.

Годы прошли, хорошо вспоминать

Тот дом, наши там посиделки,
Ликеры, колбаски, ТВ, сервелат!
А дома, в Москве – перестройка!

Служба

Так что я приехал за тысячи верст,
Разбавив "блатную" обитель?
Служить я приехал, и здесь не вопрос.
На мне портупея и китель.

Дежурный КП, не слишком велик
По должности или по власти,
Работа его – разведку вести,
Где мир, поделенный на части.

Германия наша, земля ГДР,
Ее защищать – наша доля,
А, как там получится – нам не решать,
На то есть политиков воля.

Активность в сетях, перелеты, сигнал,
Возможные войск выдвигения?
Но, тихо у нас на участке, все спят.
Да скука одна, без движения.

Но вот, как ни странно, один интерес
Всем дружно запал, прямо в точку!
В Германии даже ленивый вдруг стал
Любителем музыки, точно!

И Джексон, и Болен, и сэр Элтон Джон,

Вдруг стали доступны и нужны.
На смене, и дома, и там, “на горе”,
Все слушали музыку дружно.

И что, понимали, о чем там поют?
О страсти, любви бесконечной?
Да нет, переводчиков не было тут,
(включая себя, несомненно!)

А как же английский, “рабочий язык”?
(Привет институтской надежде!)
Не слишком доступен, и больше забыт,
Все больше немецкий по жизни.

Нас было немного, таких, вот, как я,
Сидевших в ОСНАЗе немецком,
Английский мы знали, но так, для себя,
Используя редко и к месту.

Deutsch

Язык старый, мудрый давался с трудом,
И вряд ли его кто-то знал.
А, если, ты “шпрехал”, то “шмекером” стал,
И к “Папе” на службу попал.

*“А, ты переводчик?! Помочь надо мне.
Тут немец попался дурной.
Ах, ты не с немецким? С каким же еще?!”*
(Зачем нам ты нужен такой?)

И все что мы знали, приехав сюда,
Команды из фильмов “про немцев”.

“Цюрюк! Хенде хох!” – полезный набор
Для русских переселенцев.

Нет, не было в Группе школ языка,
И курсов для членов семей.
Не знаете “дейч”? Так, то хорошо!
На русском всегда веселей!

И, если подумать, то, может быть зря,
Я всех в дураки записал.
Не каждый бы так, без друзей, языка
В Германии ездить бы стал.

Так вышло, что время там шло не для нас,
закрытых военным забором,
все женщинам было, для них благодать,
По лавкам немецким пошарить.

А русские дамы без комплекса все
Свободно с торговлей общались
Ведь, магазины – стихия для них.
Уж, там-то они не молчали!

А говорили они на своей,
На смеси немецкой и русской.
Но все понимали, и нет там проблем.
Не знали язык они прусский.

Где русским, немецким, где жестом своим
На нужную вещь вам укажут.
А, если, вдруг станет трудно совсем.
Так, прямо на теле покажут.

В те времена ходил анекдот
Про русскую, юбку желавшую.
“В полоску, ту модную, я-я! да, вон ту!”,
Терпенье уже потерявшую.

Толь немка общалась упрямая с ней,
Язык ненавидела русский.
И наша в отчаянии крикнула ей:
“ДИЗЕ” юбку мне, в “РОТ” полоску!”

И что тут такого? Мне скажет иной –
Мы все так общались спокойно.
Тут надо напомнить читателям что,
Еще не пришла перестройка!

Не ведали бизнеса, не знали еще
Звериного капитализма.
Так, что учились покупать, выживать
Мы в странах социализма.

А после того, как упала стена
Все быстро забыли приличия.
Продажа пошла на любом языке
На обмен, за товар и наличные.

ARD

Тогда по замене привез я с собой
Свой старый “Рекорд” боевой,
Чтоб скрасить заморскую жизнь в ГДР
Когда мне тоскливо порой.

А жизнь в ЗГВ сюрпризов полна.
Прием здесь сигнала не плох.
Но мой замечательный, верный ТВ
Без всякой причины заглох!

Задача простая – не сложен был трюк,
И твой телевизор советский.
Механики быстро подстроят там звук
Под ихний стандарт, под немецкий.

Немецкий стандарт? Почему же не наш,
Родимый стандарт из Останкино?
Тут что-то не так. Я наивно считал,
Что мы в ГДР оккупанты!

Видать просчитался - за 40-то лет,
Что наши казармы стоят.
Не только ТВ, тут вся жизнь впереди!
И немцы на Запад глядят.

Не нам тут решать, прогресс, так прогресс.
А, взгляды мне надо менять.
Начнем с телевизора, там, говорят,
Катушку мне надо паять.

И, вот, поутру в КП прямиком,
Чердак тут завидный в пыли.
Там радио дело, там мастера.
Там мастерская дымит.

В ОСНАЗе, полку, с просьбою той

Каждый заменщик идет.

“Наладь телевизор, я заплачу,

Иначе он звук не берет!”

И вроде понятно, клиентов поток.

Да плюс общежития, казармы.

И если поставить всем цену в деньгах,

Вопрос тут доходов проблемный!

Но, замполит и Особый отдел – ни гу-гу,

И были довольны вполне.

Советским смотреть программу свою

На той же немецкой волне.

Оплата стандартная – плачу я, как все,

“Корном” – немецкою водкой.

И денег не надо, а, так, сувенир,

За свой тот заказ внеурочный.

И, вот, через дверь в мастерскую вхожу,

Из свертка бутылку достал.

Капитан и майор застыли вдвоем,

Как будто змею показал!

Майор – балагур. Капитан тот был финн,

И даже когда был в ударе,

Вполне соответствовал тому образцу

“Горячего финского парня!”

Понятно, заменщик, ему подавай

Канал из Останкино сразу.

Но, чтобы, вот так, да еще с “пузырем”?

Таких, не видали ни разу!

Майор только крякнул и от души

В сердцах закурил свою “Шипку”.

“А где телевизор твой? Дома еще??”

(Да, видно прижало их шибко!)

Да, что за проблема, чрез десять минут,

“Рекорд” свой туда притащил.

Да, шустрый попался! Ведь там без солдат

Никто ничего не носил.

Паяльников дым и дым табака

Сливались в синий туман.

Работа пошла, и я невзначай -

“Тут мне для работы нужда...”

Мне так бы настроить советский ТВ,

Чтоб были мы в курсе всегда.

Чтоб брал он свободно канал ARD,

И новости из-за бугра.

Майор был не против, в том нету проблем,

Вопрос тут больше технический.

Настроим приемник, чтоб был ты всегда

В курсе войны политической.

И спор вдруг возник, скорее пари,

Что можно “Рекорд” подпаять,

Чтоб лучше всех брал он сигнал ARD,

И мог ГДР принимать.

И с чувством победы он к нам повернул

Серый “Рекорда” экран.

Да, чудеса! Контрастнее всех

Канал супостата мигал.

“Да, нет, не получится, антенна не та!

В ДОСах прием не такой..”

Да, спорить о чем? Команда одна,

Откроют бутылку потом.

“Спасибо за помощь, потом расскажу!”

Схватил телевизор – бежать!

В надежде, что мой интерес к ARD

Не будут они обсуждать.

И, вот, миг настал, достиг, что хотел.

И дома на сером экране

Навек поселились лица врагов

С гнилой своей пропагандой.

Мутные рожи, протокольный прикид.

Кому это может быть в радость?

Мне повезло, языка я не знал.

Речей их лживую сладость.

Чрез пару недель стало ясно, как день,

Там нечего было смотреть.

И первый канал ФРГ, ARD -

Скучнейший канал на планете!

Но, справедливости ради признать,

Там много было рекламы.

Хорошей, немецкой, и про товар,
Что мы никогда не видали.

И было одно, за что можно простить
Канала безликость, тоску.
“*Formule Eins*” - музыкальное шоу,
Любимое всеми в полку.

И, как по команде, в свой день выходной,
Спешат к телевизору все,
И старый майор, лейтенант и солдат,
Чтоб “*Formule Eins*” посмотреть.

Нет ничего в той программе, поверь.
Клипы немецкого чарта.
Немного со звездами там интервью,
Но, просто все так, без азарта.

Но для советских, для нас в ЗГВ,
Программа та стала лучом
В тот мир, где звучали группы, певцы,
И жизнь их там была ключом.

И думалось мне, что железный забор
Стоит перед нами опять.
Один мы прошли - живем в ГДР,
А, этот, второй нам не взять!

Антенна

Тут случай мне вспомнился.
Как-то к нам в полк, с проверкою подразделений

Приехал один капитан боевой
Из нашего разведуправления.

Сидели, болтали, нашли мы контакт,
Ведь, я был таким, даже “круче”.
В свою я бригаду вот так приезжал
Оценки поставить получше.

Он был инженером, в ОСНАЗе давно,
Любитель, знаток, это – точно.
В отделе скучища, простой бюрократ.
“Нет выездов даже на “точку”!”

(Сидеть на Ремхильде, без радости там?!)

Звучало все как-то не так.
Однако, штабного “мальчишки” удел?
Уж лучше простой бюрократ..

И дома скучища, а Дрезден лежит,
В саксонских полях глубине.
И нет там приема сигнала ТВ,
Препятствия дальней волне.

Что нашим препятствие? Только игра.
Поймать супостата сигнал!
И наш капитан проект рассчитал.
Антенну большую создал.

И, вот, в одночасье, глухою зимой,
Сигнал ARD он поймал.
Жилище его осветил, огласил
Германский скучнейший канал.

Тут как-то по улице Дрездена в штаб
Большой генерал проезжал.
Увидел антенны и весь посерел,
Он долго кричал и визжал.

“Поймайте шпиона! В атаку! Вперед!”

Неслось по дворам и аллеям.
Поймали шпиона, но он не Джеймс Бонд...
Он свой - капитан из отдела.

Вдруг мудрый полковник, разведчик, старик,
В защиту “шпиона” поднялся.

*“За то, что он сделал – награду бы дать,
Никто еще так не старался!”*

*“Развединформации - просто, поток,
Движение войск. Все наглядно!
Без телевиденья нам тут - никак.
И он – молодец. Вот, как надо!”*

С наградой, конечно же, он перебрал.

“Излишняя инициатива...”

Антенны зачинщик быстро убрал.
Смотрел ГДР, как другие.

В своем же кругу смеялись мы все.

(Тому генералу – привет!)

И как капитан информацию брал?
Без языка, DVD и кассет??

Розы

Приезд за границу, хотелось жене
Цветов подарить, но в бюджете
На это валюты никак не нашлось,
Букеты остались в прожекте.

Тут вдруг осенило, зачем покупать?
Ведь всё здесь в Европе доступно.
Цветы, вот, на клумбе, проблема нарвать,
Хоть это опасно, преступно.

А розы стояли одни, в темноте,
И вроде совсем без надзора.
Нарвать и бежать – решение одно,
Но как избежать мне позора?

Да, черт их там знает, тех немцев закон?
А, вдруг арестуют, под стражу?
Ведь немцы увидят, заложат, сдадут.
(Представил я “Папину” рожу...)

А если, поймают, еще и побьют?
что совести я не имею?
Полицаи немецкие меня отдадут,
Но “Папе” останусь плебеем...

Те бедные розы я помню, как сон,
Руками, зубами их рвал.
В груди колотилось, в ушах перезвон,
Как будто я золото крал.

Ушел я дворами, все больше в тени,
Разведчиком, посланным в тыл.
Когда на свету, развернул, оценил,
Убавился радости пыл.

Да, вряд ли букет собрать удалось
Достойный нести жениху.
И розы невзрачные, а руки теперь
Лечить мне придется вовсю....

А время бежало, меняя сезон,
И кажется слишком уж быстро
Жена прилетела в Германию к нам
Обычным путем Интуриста.

“Йа, Йа! Мерзебург! Я знаю куда”.
Красивая дама с акцентом,
машина красивая – Шкода, такси,
(Но как там с коэффициентом?!)

Тревожно глядя чрез дамы плечо,
Я силился высчитать цену,
За 40-то марок? Что так далеко?
Да, нет - больше так не поеду!

Ну вот, мы и дома. Багаж на земле.
(Вернула мне все “чаевые”!)
Не очень я выглядел твердо тогда,
На цены глядя мировые!

Но все это в прошлом, забыли конфуз,

Мы главное дома – семейством!
С приездом жены все стало теплей,
Комфортней с домашним устройством.

И комната шире, и печка своя,
Свой уголь, очередная забота.
Но главное, тихо, тепло, красота!
И в центре Европы работа.

“Фройндшафт”,

Плакатная дружба, известный “Фройндшафт”,
До нас как-то не докатился.
Ни дружбы, контактов и даже знакомств.
Ни с кем даже я не напился!

Точнее напился, как помню сейчас,
Объявлена встреча у шефов.
*(Меня позабавило: шефы-то кто?
Давно на горбу у Советов!)*

Союз им и брат, и кормилец, и мать
С времен тех побед, как известно.
Теперь они “шефы”, так его мать!
Противно идти, если честно!

Заброшенный боулинг, вокруг огород,
Наделы все метров по двадцать.
Там немцы блаженствуют – спят, курят, пьют.
Катать там шары нам придется.

Никто, и нигде до того не катал,

И правил игры неизвестной
Забыли хозяева нам довести.
Но водка лилась повсеместно.

Умело компанию нашу разбив,
С двух рук подливали нам “Корн”.
Партийные лидеры, все, как один,
На русском, как на родном!

Споить дураков, задача проста.
Бери, подливай, не стесняйся!
Беседы хорошей уже не вести.
И шар свой загнать не старайся.

Что наши? Вконец захмелев,
С тяжелыми головами. Поднятие рюмки –
”За фройндшафт! Союз!..”
И руки шары не держали.

Конечно! Попробуй, возьми, разомнись!
Наставников смех умиления.
У немцев все четко – уже ведут счет?
Не мог я сдержать удивления.

Постойте, постойте! Тут что-то не так,
И эта разминка не в счет!
“Nein! Выпьем за дружбу, комрад!”
И немцы уходят вперед...

Со счетом позорным, почти по нулям,
Команда полка проиграла.

Да, что удивляться, команда с трудом
На пьяных ногах устояла!

А, немцам – отрада, вы видели там
Коробки с местною водкой?
Седой пролетарий усердно сверял
“Остатки” для собственной сводки.

А, утром с похмелья, чего вспоминать?
Мне было до боли обидно.
Нас, немцы держали за дураков.
И дружбы заветной не видно.

Leipzig

Да, Лейпциг стал для меня, как вода,
Как воздух, как символ Германии.
Но я старался не привлекать
К моим путешествиям внимание.

И, вот, после смены, когда по уставу
Я должен был отдыхать,
Стоял я на станции, автобуса ждал,
Чтоб в Лейпциг поехать опять.

И что я там делал? вдруг спросите вы,
Вопрос, без сомнения, резонный.
Я просто гулял, смотрел и вдыхал
Тот воздух – веков перезвон.

Вот, древняя церковь, ратуша, вот – Маркет Плац,

Смешение стиля, веков.

И люди на улицах ярче, смелей -

Не в Мерзебурге идешь.

И даже история наших там дней,

"Банановая революция",

Она начиналась в Лейпциге том

С митингов и демонстраций.

Нет, я не видел бушующих толп

С плакатом и флагом свободы.

Все было за кадром, но мне довелось

Поездить в тот город достойный.

И, если, вам скажут, что был там Берлин,

Витриной страны ГДР,

Но мне больше нравился Лейпциг тогда.

Уютней и ближе, поверь.

Bar Tivoli

Bar "Tivoli" надпись, зеркальная дверь,

Все выглядит дорого, смачно.

Вот, вышел оттуда большой господин,

Пропахший весь дымом табачным.

И хочется очень, томленье в груди,

Зайти и увидеть, как в сказке,

Как там господа, дымят, как в кино,

И шутят себе по-немецки!

Там крепких напитков, духов аромат
В смешении табачного дыма.
Название коктейля мне трудно узнать,
Словарь не откроешь – не дома!

Заказывать пиво, но это не здесь,
Среди затемненного бара,
Там страшно хотелось догнать “бундесов”,
Побывать хоть немного в угаре.

Но вот, наудачу тот “бундес” ползет,
Пыхтя дорогим табачищем,
Он деньги барменше – *“Мартини, Йа! Йа!”*
Мартини? а это почище!

Ох, данке майн фройнд! Ты к месту пришел,
И сделав лицо посвободней,
Я бросил барменше - *“Мартини, Йа! Йа!”*
“Яволь!”- быстрый взгляд исподлобья.

Ну, ладно, расслабься, ты знаешь теперь
Не Лондон то был, не Лас Вегас.
Твой первый визит за границу почти,
Свободы запретная прелесть.

Messe

Давайте на ярмарку вместе пойдём!
“А, что, если так порешили,
Машину мою, “санитарку”, возьмем,
Мне “Папа” всегда разрешит.”

Туда на машине, до ней, до самой,
Любимой Лейпцигской ярмарки?
Вот, так удача, это, как сон!
Вдвойне сэкономишь ты марки.

И в день тот весенний, погода – заказ.
УАЗик стоит во дворе.
Доктор с женой, водитель и я.
В Лейпциг нам надо скорей.

Доехали, встали, немного пройти.
Вот, выставки-ярмарки вход.
Вон, прямо по ходу увидел я шпиль
Советский стоит павильон.

Стоит, он, как крепость, стоит, как скала,
И сталинский шпиль со звездой.
В груди шевельнулась подлая мысль,
Что скоро нам тоже домой.

Прогнав те сомнения, я к зданию шел
В толпе нашей, много детей.
Но не было смеха, радостных лиц,
Все рвались, как буд-то бы, в бой!

Толпа закружила, вошли, ворвались.
Я встать умудрился в сторонке.
Отсюда, с угла, стоял, наблюдал
Толпу и людскую воронку.

Стихия и стадо, как скажешь еще?
Большая толпа наготове.

Да, что же тем русским здесь надо вообще?

Здесь книгами будет торговля.

Вдоль стен на узлах другая толпа.

Там дети сидят спозаранку.

Добычу счастливики тащут туда

И снова бросаются в драку.

А в воздухе шум и ругань, и визг,

Тут нет ни закона, ни стражи.

Кто здесь посильней, тот все и возьмет,

А слабый ты - будь осторожен!

Стоял и смотрел я на дикость веков,

что русским путем там зовется.

Мне жаль было их, и себя, и страну,

В которой пришлось мне родиться.

Бороться за знания – это закон,

Закон тот для всех одинаковый.

У русских, возможно, другой интерес.

И главное, это - чтоб драка!

Разорваны пачки и книжки вразлет,

Толпа все с колен собирала.

Но нет здесь читателей, и книги все те

В Союз спекулянтам сплавляли.

Вконец настроение испортило мне

С русской толпою общение.

И, если признаться, мне в первый там день

Было порядком мучение.

Исправить ошибку в Лейпциг один
Через несколько дней я приехал.
Чтобы спокойно взглянуть, оценить
Торговлю, богатство, успехи.

И так, вот, сошлось, по иронии дня,
Я в книжный зашел павильон.
Там все, как всегда, благодать, тишина.
Ни драки, ни крика, ни толп.

Бродил я по залам среди книг и фирм,
Те книги для всех издающие.
И думал себе, почему бы и нам
Не сделаться тише, получше?

Чтобы без воплей, надрыва, без драк,
Умерить дикарскую прыть.
И снова подумал, в который уж раз -
Никогда мы не сможем так жить!

Да, к черту “совок”, пошли они все!
А, вот посмотрите направо...
На фирменной сцене под светом стоит
Достойна внимания дама.

А, дама при бизнесе, а как же еще.
Такие вы формы видали?
Как видно, та грудь росла на троих,
Но только одной ей досталась.

Идя осторожно на каблуках,

Рискуя потерей баланса.
Двигалась дама с явным трудом,
Не видя пред собою пространства.

Да, это наличный ее капитал!
Природы дары или проще?
Спасибо хирургам, технологам, всем,
кто сделал ей груди "побольше"!

Таких, вот, девиц "одаренных" судьбой
Увидишь в кино иногда.
Но, так вот, при бизнесе, там и живьем,
То, нет, не найти никогда!

DDR

Для нас, для советских, Германия – враг.
И образ в сознание засевший,
Забыть очень трудно, и форму, и флаг.
Союз, полстраны потерявший.

Те жертвы, репрессии, голод и мрак,
что немцы тогда принесли.
Мы ненависть нашу, почти позабыв,
С собой в ГДР провезли.

Не горечь обиды за щедрость свою,
Всем странам социализма.
Сначала была усмешка кривой
"Что, Гансы, у вас тут творится?!"

Но быстро поняв, как они далеко,
В развитии своем европейском.
Достаточно было обратно взглянуть
В пространство свое постсоветское.

И к чести германской, признать надо тут,
Возможно, их память в провале.
Но, не было ненависти к нашим войскам.
Уж, вряд ли мы были желанны!

Но думаю, всё – в промывании мозгов.
Своей пропаганды напор.
И русские стали в Германии жить,
Как часть той страны ГДР.

В душе я могу тех немцев понять ,
Ну, что им было до нас?
Большая страна СССР где-то там.
А, им – ФРГ догонять!

Не знали. Не ведали. Как это так?
Среди европейского блага,
Вдруг взяли и стали страной ФРГ,
Оставив идеи и флаги?

А, что политический, важный отдел,
Влияньем и властью отмеченный?
Наверно, германский большой передел
Остался для них незамеченным.

А, что мы там знали про ту ГДР?
Почти ничего и не знали.

Большие друзья для СССР.

И флаг их везде узнавали.

Как жили, что думали, мечтали о чем

В *“Витрине социализма”*?

Но с кем и куда они шли там своим

Немецким путем коммунизма?

Для нас всех, живущих в ГСВГ,

Германия – временный дом.

По паспорту виза у нас - *“ГДР”*

По жизни - все тот гарнизон.

Германия наша, и будет всегда!

Деды наши тут воевали,

Но странное чувство, что что-то не так,

Тебя здесь одолевает.

Плакаты о дружбе на век, не разлей!

Остались лишь пропагандой.

И время покажет, кто был тут *“правей”*.

И что было ложью поганой.

К концу пребывания, закат ЗГВ,

Мозги нам никто не морочил.

Однако, никто не предполагал,

Что наш век в Европе короче.

А, что сами немцы? У них все путем.

Настроен – оплачен – вперед!

Долой коммунистов, и стену – долой!

Новой машины черед.

Но это все позже, пока Мерзебург -

Болота туман векового.

А, нам только в радость и служба идет,

И жалование двойное.

Но, что-то там новости стали у них

По виду чуть-чуть напряженной.

Какие-то митинги, требуют что?

Хотят они жизни привольной?

"Так, это же Лейпциг, ну, точно, вон там,

Гулял я на прошлой неделе!"

Да, нет, ерунда! У немцев покой,

Пошли против власти? Не верю!

Да, что я про службу! Смотрите вокруг,

Ведь это не сон, не открытка!

Мы жили в Европе, в культуре, в среде,

Где все так доступно, открыто!

Майор помолчал, не смотря на меня,

О пол раздавил свой окурок.

"Тебе капитан, родное не всласть?"

Немецких ты любишь придурков?!"

Я вам про культуры, про речь, про кино,

И немцы совсем нам не братья!

И если прикажут, в атаку пойду!

(Уж лучше б молчал! Вот, проклятие!)

И публике серой вокруг невдомек

Зачем мне был нужен тот Лейпциг?
Какие поездки, какое кино?
Не тратили даже копейки!

Деньги

В советской стране деньги – не в счет.
Их тратили, но не любили.
Их занимали, давали займы.
Богатые даже копили.

Избитую истину – счастье не в них!
Все понимали буквально.
Что получил – пойдя и потратить!
Все пропивали банально.

Много не накопишь, если, ты был
Не космонавт, не профессор.
Простой инженер? Тогда не стони,
Готовься ты к отпуску, к лету.

Вот, за границей работать, то, да!
Там жизнь, там валюта, товар.
Мечта та для многих, кто-то успел.
Шмотки себе плюс “навар”.

Жизнь за границей – другой разговор.
Не тратьшь тут все без оглядки.
Займы не дают – и не проси!
Лучше сажай свои грядки.

И к месту все тот анекдот с бородой

Про Сему, того, что с Бондая.
Как русские жили, экономя на всем,
Мы уж доподлинно знаем!

Красная Армия кормила страну
В первые годы Германии.
Голод, разруха, ведь мы - не враги,
Коммунистической братии!

Время прошло, почти 40 тех лет,
Как флаг ГДР свой поставили.
Сыты, одеты, обуты там все.
Жизнь капитально наладили.

Советская Армия все так же стоит
Везде по своим гарнизонам.
И, вроде, как служит, вроде, как, бдит,
Вы можете спать здесь спокойно.

С деньгами похуже в ГСВГ.
Ковры и сервизы - забудьте!
Вам повезло, если смогли,
Одеться там и обуться.

У них в ГДР значительный рост,
Но мы отставали опять.
Рабочий у них получал тыщи три,
А, я – 850.

Все дело в окладе и ценах, друзья,
Все в нем - пресловутом балансе.
Немцы подняли цены на жизнь,

И русским уже не угнаться.

Первый оклад в марках мне шел,
В валюте, как за границей положено.
Второй мой оклад, тот был в рублях,
За звание и за должность.

Наш главный, валютный, любимый доход -
до удивления мал,
Второй же, рублевый доход,
Единственный был капитал.

И, вот, балансируя марок приток,
Стараешься всюду успеть.
За газ и за воду, за уголь, за свет –
Треть от всего там осталась?

И нам, как и многим, путь был закрыт
В гаштеты и рестораны.
Остались бы деньги там на билет,
Чтоб в Лейпциг поехать порою!

Ну, ладно туризм, а как же вон те,
Чьи дети растут по себе?
Европы культура, наследие веков?
Музеи, экскурсии где?

Не нужно культуры, сомнительно все!
И нет ничего после школы.
И все что запомнили дети тогда
Игрушки немецкие, "колу".

Нет, не пойдет! На культуру нужны
Те марки опять драгоценные.
А дети-то, что, им все равно,
В Союзе продолжают учение!

И странно сейчас, что помнят они,
Дети больших гарнизонов.
Как выросли там, как в школу пошли,
Как ели и пили ту “колу”.

Какие игрушки, какой был товар
На скромные папины деньги.
Да, парадокс, ведь вспомнить сейчас,
Лишь слезы от умиленья!

И всем что-то надо, заказ привезти,
Дешевые вещи – забудь!
И люди не знали, как было нам там.
Купить бы себе что-нибудь!

И рамки бюджета, планируешь сам,
С немецкою точностью марки,
Вот – что-то на пиво, на уголь, себя.
А что-то пойдет на подарки.

Фасон мы держали, Германия – класс!
Там жизнь, там товары, напитки!
Мы в бедности жили, копили, как все.
Обшарпанный дом без калитки.

Сказать, что “звучали” богато в Москве?
Да, нет, как-то так, скромновато.

Но там, в Барановичах, в селах, везде,
Ковер, диван-дек – все давайте!

И наша удача, что нам невдомек,
Власти предательства планы,
Что нашу Германию враз продадут,
Сольют разделенные страны.

Едина Германия, деньги одни,
Обмен будет честным и кратким,
Но даже армянская “мафия” тут,
Проспала момент и порядки.

Какие там “Волги”, зачем тот “Москвич”?
Хватай Мерседес, Форд, Феррари!
Но, им невдомек, что рухнет все вдруг.
На родину “Волги” все гнали.

А, где же богатые, спросите вы,
Что, не было их там вообще?
Конечно, в советском масштабе были они
Прослойка в ГСВГ.

В любом Военторге на верном посту
Грудастые дамы стояли.
Торговля советская всегда на чеку!
Дефицитом они управляли.

По списку сервиз, ковер, диван-дек
Каждый заменщик возьмет.
Ну, в общем, не каждый, и не всегда...
Кто ездил, тот сразу поймет!

Вот, группа другая, у этой – закон,
Тут люди веселые, с гор.
Армянские прапорщики в ГСВГ.
С деньгами у них хорошо.

Привозят, торгуют, валюты обмен.
Откуда и как? - не вопрос,
Всегда под рукою, готовы всегда
С солдатами в отпуск в Союз.

И там, на границе, одною рукой,
Заполнены все документы.
И список солдатский в таможене готов
А, вот, и рубли для обмена.

И все тут легально, вот, рота солдат,
Прилежно рубли там меняют.
Солдатам валюта? Она ни к чему.
Прапорщику помогают!

Но, все это в прошлом. Когда ЗГВ
Дорвалась до западных марок,
Все враз позабыли приличья, закон,
Погнались все за “наваром”.

Нам повезло, мы не были там,
“Не жили” и “Не привлекались”.
Базарная жизнь наступила в Москве,
Всему в перестройку учились.

Но главный урок выживания там

По западному образцу
Был в ГДР, в Мерзебурге, нам дан.
И мы благодарны ему!

FKK

И вот так открыто, среди бела дня,
На полке коробкой белея,
Набор фото-слайдов, по местному – “Акт”.
Бесстыдных девиц галерея.

Да, нет же, конечно, все это игра,
Артиста-фотографа кадры,
Там больше искусства, и это назвать
Сегодня эротикой трудно.

Но мне после жизни в родном СССР
Где не было секса в заводе,
Вид пляжных девиц в negligé на песке.
Что, прямо вот так? На природе?

Не знал я тогда, что нудизм в ГДР
Был тела “свободной культурой”,
И если б хотел, то я мог наяву
Увидеть те пляжи в натуре.

Но пляжи не близко, большой FKK
Раскинулся где-то на море.
У нас же свое кое-что тут нашлось,
Вдоль местных каналов раздолье.

К Лейпцигу ближе, вдоль нив и полей
Прямые каналы прорыты,
Вода там проточна, чиста, глубока,
И берег травую покрытый.

Там местные немцы, как, впрочем, везде,
Свой старый нудизм поддержали.
И русским на зависть, культурно вполне,
В траве голышом загорали.

Да, нет же, конечно! Как можно? Никак.
И русских туда и не пустят!
Но что-то толкало, попробуй, пойдя!
Европа - тебя не укусят!

И в солнечный день, погода как раз,
С женой мы по полю брели.
Там нет никого? Ан нет, вон, сидят!
Да, голые, сам посмотри!..

Никто не узнает правды сейчас,
Кто был, поддержал тот нудизм?
Но рад я, что сделал, пошел, загорал,
Когда еще был коммунистом.

Что наша история? – миг для веков.
И в памяти день тот остался.
Как весело было, как ветер задул,
И тело кололи колосья.

Erotisches

Приехав из славного СССР,
Мы все ожидали в душе,
Что там-то уж можно забыть про запрет,
Все будет свободно вообще.

Тут алкоголя продажа везде,
Не то, что в советской стране.
С размахом трезвая жизнь там всех бьет,
Все больше - по голове!

И даже, возможно, запретный продукт
В Германии будет доступен?
Возможно, тот самый, проклятый тот "секс"
У них там не очень преступен?..

Но, нет! О чем это я?!
Мы все, как один, осуждаем!
Развратно влияние – капитализм.
И крепче мы жен обнимаем!

А, если, серьезно, родной Мерзебург
Не встретил сияньем реклам,
И нет казино, не зовет ресторан,
И нету раскрашенных дам...

Глубинка, деревня! – скажет иной,
Конечно, и он будет прав.
Но что-то должно быть в этой глуши.
В тот зимний холод и мрак.

А, секса вопрос, любви и полов,

У немцев был как-то не виден.
Не встретите парочек вы под луной,
Нет ни скандалов, ни трений.

По старой традиции европейских людей
Вопрос тот решали здесь рано,
Свободно гуляя в четырнадцать лет,
Женились там поздно, по плану.

Природную холодность и флегматизм
“Горячих” немецких парней
Любили они подогреть
Эротикой легкой порой.

Однако, правительство ГДР
Не поощряло нигде.
Достаточно сделать формальным досмотр
Машин из ФРГ.

И, вот, широким потоком идут
Машины из-за бугра.
Загружены славно – журналы, кино,
Здесь будут смотреть до утра!

Зачем конституция, зачем им досмотр!
Эротики ввоз, ведь, открытый.
У них в ГДР был каждый знаком
С продукцией Узи Беаты!

Резонный вопрос, а как же быть нам,
С.С.Горбункова наследникам?
Ведь не было здесь ни кино, ни кассет,

И нам только “Правда”, “Известия”.

Но, что-то я чувствовал было не так,
И вскоре нашел в магазине
Я слайдов набор с девицами - “Акт”,
Одежды на них нет и в помине.

Но главный “удар” пришелся зимой,
Под их рождество,
Когда по ТВ пошел сериал.
Там было “разврата” полно!

Легкий, изящный французский продукт
Все русские дружно внимали.
И дома, с компанией, в семейном кругу,
И водку, ликер попивали.

А, вот вам достойный немецкий продукт
Был на экране порою.
Балет Телевидения ГДР -
В стиле бродвейского шоу.

Но, было еще, не могу умолчать,
Шоу достойно Парижа!
Берлинский *Fridrichstadtpalast*
Да, он конкурент Мулен-Ружа!

С открытием границ решился вопрос,
Свободы вопрос политический.
И через границу хлынул товар,
В том числе, эротический.

Журналы и фильмы теперь продают
Везде из машины багажника.
Но немцы прижимисты – все о деньгах
И о размере бумажника.

И тратить свой капитал ГДР
Им было сейчас ни к чему,
Ведь все уже знали, что будет обмен
Валюты – один к одному.

И вслед по руинам берлинской стены
Пришел в ГДР тот прогресс.
В любом магазине ты можешь купить
Кассетники VHS.

И видео бум пришел в Мерзебург,
И так же, как и в Москве,
Народ стал менять, покупать, продавать
Без всяких запретов вообще.

Свобода у немцев, свобода везде,
И вскоре в родном Мерзебурге
Открылся секс-шоп и кинозал,
Открыто крутили там порно.

В такой магазин с интересом зашел.
(Символ “свободы” мифической!)
Но не было там почти ничего -
Коробки кассет эротических.

В крошечном зале группа мужчин,
Весьма пролетарского вида.

Смущенно стоят и мусолят в руках
Пустые коробки от видео.

Да, не Лас-Вегас и не Париж,
Я это и так понимал,
Но до такого не доходил,
Коробки не воровал!

Мне стало противно, ушел я тогда.
Уж, лучше пойти мне в кино.
Но секса детали во весь, вот, экран?
И темный тот зал – не мое!

Сегодня детали истории той
Немцы забыли скорей.
А, секс, как Европе положено, был
Задвинут в квартал потемней.

Ремхильд

Для радио войск пеленгация – хлеб,
Войну без нее не начать,
А, чтоб развернуть приличную сеть,
Вам точки повыше искать.

И, худо ли бедно, за сорок там лет
Наладили радио сеть.
Поставили “точки”, посты РТР.
Советских позиций не счесть.

По внешней границе страны ГДР
На каждой приличной горе
Развернут был пост, чтоб разведку вести,
На самой широкой волне.

А, полк РТР, он – технический полк,
С задачей сетей наблюдения.
И, если получится, разведку вести
Источников излучения.

Задачи «прослушки» – они не для нас,
То мощной бригады объекты.
У нас же разведка на языке
Была, просто так, для отметки.

Понятно, что труд переводчика здесь -
Работа не основная.
И весь материал, что ты "накопал",
Начальству лишь боль головная.

У нас, на Ремхильде, помимо постов,
Релейка, “прослушка” – раздолье!
И мне, вроде, дело нашлось по душе -
“Там есть разговоры на пленке!”

Релейный тот пост был приятен вдвойне,
Стоял он вдали от начальства.
На самом краю живописной горы,
Бескрайних полей и пространства.

И, вот, поутру в благодушии весь,
О судьбах мирских размышляя,

Я медленно шел сквозь волшебный тот лес,
Грибов ароматы вдыхая.

Видать, живописно смотрелся я там,
Ушанка, бушлат, сапоги.
И палка в руке, ну, как есть - домовой!
Мне прозвище дали – “Лесник”.

Лесник – не Лесник, решать это вам,
Покой на горе – это главное.
Не беспокойте, я сам принесу
Недостающие данные.

Эх, хорошо, как дышится там!
Живой саламандре раздолье.
Ну, ладно, послушаем, что там у нас
На той стороне за движение?

И взятый с релейки, полезен он был
Мой материал без сомнения.
Что помогало нам наносить
На карту врага положение.

И, если, забыть про начальства маразм,
Плохое снабжение и службу,
То на Ремхильде вполне можно жить,
Смотреть телевизор там дружно.

Но, если приедет большая толпа,
Большие учения у НАТО.
Спокойной там жизни не будет уже.
Придется тесниться, ребята!

В осеннем лесу гул, голоса,
Гора оживает в мгновение.
Это на нашей позиции ждут
Армейское подкрепление.

Разведбатальонов роты ОСНАЗ,
РЭБ со смешною антенной.
“Лирики”, техники, все тут у нас.
Позиции развернуты временно.

Есть люди серьезнее, посланы из
Бригады ОСНАЗ, что в Торгау.
У них там секретно, туда не ходи!
Они все равно не расскажут.

Но самым приметным событием стало
Прибытие братьев немецких.
Они на горе развернули свой пост
Ведения радиоразведки.

Мы тут сидели недели, уж, две.
“Зазор” временной у начальства.
Машины немецкие, как и всегда.
Пришли к нам за день до начала.

За день до начала движения войск
На той стороне, что в Баварии.
Два немца в пятнистых нарядах одни
Палатки разбили тут лагерные.

Палатки завидные – пластик, и свет,

И стулья, как в ресторане.
То больше похоже на свадебный быт
Иль генералов гуляние.

Но нет, все обычно, немецкий стандарт.
Все для солдат ГДР.
Для офицеров отдельно стоят,
Вон, там, для жилья и “Kaffee”.

И вдруг на горе возник часовой,
прямо, вот так, на дороге.
Не очень мешает, просто стоит
И тихо за всем наблюдает.

Пятнистая форма, немецкий погон.
Как будто лазутчик стоит!
Но, главное поза его, посмотри.
Лучше всех слов говорит.

Немецкий солдат на посту боевом,
Он держит приклад свой подмышкой.
А, дуло всегда смотрит прямо на вас,
Не стоит идти к нему близко.

И, вот, обходя невидимый круг,
Все стали ходить стороной.
Чтоб Гансу тому под дуло не лезть,
Его, посылая порой.

Ну, это уж слишком! Они здесь в гостях!
Тут требовались срочные действия.
И наши “отцы” пошли на поклон,

Для организации взаимодействия.

По слухам, беседа со старшим у них
Прошла не так, как желали.
Немец их выслушал, не боле того,
Но часового убрали.

В разгаре учений идея пришла,
К немцам тем обратиться.
Они, ведь, сидят уже тут давно,
Их данные нам пригодятся.

И, вот, как-то вечером ЗОР собирал
Группу майоров для встречи.
С собою, естественно, шмекера взял
Чтоб переводить его речи.

По секрету потом рассказал,
Тот шмекер, что был приглашен.
Немцы молчали, как партизаны.
Секрет не разглашен.

Как наши старались пойти на обмен
Нашей развединформацией,
Но, немцам не надо, они там, видать,
Владеют без нас ситуацией.

И стало обидно, в который уж раз,
За службу, себя и за армию!
И это союзники, братья, друзья,
А помощь от них была малая.

А, может, хозяева они на земле?
Мы, просто, чего-то не знали?
Они там без нас давно с ФРГ,
А мы, как всегда, “не догнали”.

И, вот, после смены, и стар там, и млад,
Невзирая на звание и должности,
Все, как один, смотрели ТВ
В “*сексуальной настороженности*”.

Да, что говорить, на горе был прием
ТВ ФРГ дармового,
Сигналы по качеству - просто мечта,
Века до цифрового!

DDR, ZDF, ARD, всякий SUD
И даже космический SAT.
Все принимал наш советский ТВ,
Эх! Черно-белый формат...

Конечно, препятствие – барьер языка,
Мало поймешь, как старайся!
Однако, там вестерн - для дураков.
Можно смотреть на китайском.

Да, есть на Ремхильде магический вид,
И ведьмы преданья, наверно.
И наши рассказы сейчас так звучат,
Как сказки, в них трудно поверить.

Сегодня забыли, что мы были там
Каких-то от силы лет двадцать.

Сегодня на гору дорога для всех -
Приходят на вид любоваться.

И вспомнят ли тамошние старики,
Спокойно в гаштете сидящие,
что да, были русские там на горе.
Тихие и даже непьющие...

Банановая революция

На следующий день в стене тот провал,
Навстречу похмельной толпе,
Лоточники хлынули к нам, в ГДР
До всяких других перемен.

Палатки торговцев из ФРГ
Развернуты были для нас.
На них фруктовый разложен товар -
Киви, банан, ананас.

А следом пошел товар покрупней –
Майки, кассеты, штаны.
Но немцы не кинулись их покупать,
Цены кусались на них.

Для многих нежданный “фруктовый удар”
Был первым ударом свободы.
Да, съел я загадочный тот “киви фрукт”,
Не чувствуя вкуса победы.

И символом той революции стал
Ни воин во всей амуниции,

Ни стяг, ни политик, а просто – банан,
Которого нет в конституции.

И флагом свободы немецкой земли,
С подачи западной прессы,
Стал человек, державший в руке,
Банан, как награду, как приз.

И тихо, спокойно, без драк и стрельбы
Рухнет в Берлине стена.
Та, что делила Европу тогда,
Как думали мы, навсегда.

Сегодня забыли зачем, для кого?
Мы всех под прицелом держали.
Кормили полмира в ущерб для себя,
И псевдодрузей ублажали.

Но самыми честными среди наших “друзей”
Оказались те самые немцы,
Которые были дружны до конца,
Терпели там нас - поселенцев.

Огромная мощь войск ЗГВ,
Ударных армий кулак.
Нету врагов, кому угрожать?
Кому ты там нужен тогда?

Солдат и сержант, да, сам генерал
Вдруг сразу остались без дел.
И мне повезло, что я не застал
Вывода войск беспредел.

Возможно, вот тот, беспредел воровства,
Где немцам досталось задаром
Добра и оружия - сколько возьмешь!
От русских последний подарок.

Подарки получше, тут выше бери,
На вывод дают миллиарды!
Но, это не вам, это сразу в Москву
Ворам, что при власти, подарки.

Уроки истории – избитый мотив,
Не учат они никогда.
Все рвутся вперед навстречу судьбе,
Себя позабыв иногда.

История – грабли, хороший пример,
Всего чрез каких-то лет тридцать
Страна наступает на них, как всегда.
Нет, чтоб уже научиться!

Потеря друзей, Европы развал –
Это лишь часть той истории.
Советский Союз враз потерял
“Друзей” и союзников в мире.

Добра воровство, тогда в ЗГВ
Достойно громкого дела.
Однако, “замяли” все так хорошо,
Что жулики так и не “сели”.

Сегодня концов уже не найти
Кто был во главе этой сделки,
Когда ССР потерял ЗГВ,
А, людям достались копейки.

Сегодня везде патриотов трезвон,
С памятью ихней короткой.
Что для России весьма хорошо -
Живет она вне Европы.

Найдут они новых, славных друзей
В песках или в джунглях, в саванне.
И будут смуглявые лица мелькать
На политическом телеэкране.

Пора бы вернуть поцелуев обряд,
Портрет Леонид Ильича.
И чтоб славный процесс тот пошел,
Им главное – надо “начать”.

И в лидерстве новом, сомнения нет,
Стоит сосед там восточный
И тихо следит, пока, как удав,
За властью российской порочной.

И все это было, история не врет,
И бум, и развал, и продажа.
Россия вернулась к ошибкам своим,
Старым друзьям, антуражам.

И нет никого, кто мог бы сказать,

Кто мог бы все знать наперед.
Народ страдает, в который уж раз!
И вновь жизнь покатит вперед.

Сергей Игнатьчев. Сидней. 2021 год